

Тошинори сидел в кресле, построенном для его массивного каркаса, чувствуя себя

карликовым из-за пустого пространства, когда он обхватил руками чашку чая. Незу налил себе кружку, все время глядя на него своими расчетливыми глазамибусинками.

— Так больше продолжаться не может, господин Тосинори, — сказал Незу. «Хотя я ценю тот факт, что эти люди нуждались в вашей помощи, в этом районе были и

другие герои, которые могли бы справиться с этими злодеями. Если вы хотите преподавать здесь, в США, вам придется признать, что ваши обязанности учителя стоят

на первом месте. Вы не сможете научить их, если прожжете свою причуду, останавливая второстепенных злодеев. Сделав глоток для драматического эффекта, Незу

добавил: «Если только вы не думаете, что преподавание в вашей бессильной форме было бы мудрее».

Тошинори съежился. — Нет, ты прав. Извините, старые привычки умирают с трудом. Я слышу, как кто-то кричит, и мне приходится помогать. Я такой, какой есть».

«Это очень похвально, но с учетом того, как обстоят дела, это вызовет только проблемы. Что, если возникнет реальная чрезвычайная ситуация, и вы не сможете

бороться?

«Я найду способ».

«Не будь глупцом. Чем сильнее вы напрягаете себя, тем быстрее вы ослабеваете. Вы сами сказали, что почти год назад навредили себе, выйдя за рамки своего

срока. Recovery Girl дала вам еще максимум три года, прежде чем вы вообще не сможете трансформироваться. Пожалуйста, используйте их по максимуму».

Напоминание о мрачном прогнозе вызвало у Тошинори холодный страх. Три года, прежде чем ему придется уйти в отставку с поста Символа Мира. Три года, чтобы

найти и обучить своего преемника, а его Причуда все еще не давала ему никаких подсказок, кого выбрать. Единственное, в чем он мог быть уверен, так это в том,

кого он не мог выбрать. Мирио был предложением Ночноглаза, превосходного героя по всем параметрам, но когда он встретил молодого героя лично, он

почувствовал, что Один за всех отверг его сразу. Он попытался поговорить с ним, настаивая на том, что ему нужно выбрать кого-нибудь, прежде чем он уйдет, и все

же его причуда отказалась сдвинуться с места.

«Я не могу перестать быть героем», — сказал Тошинори. «Общественность должна знать, что я все еще здесь».

— Согласен. Тем не менее, вам нужно выбирать свои битвы. Пусть другие герои занимаются угонами автомобилей и вооруженными ограблениями. Приберегите свои

силы для тех злодеев, с которыми может справиться только топ-профессионал».

Тошинори посмотрел на свою нетронутую кружку, не в силах смотреть директору в глаза. — Я понимаю.

Незу вздохнула. «Ты понимаешь, но у меня такое чувство, что ты все равно проигнорируешь меня. Я бы предпочел, чтобы вы не узнали ценность моих советов на собственном горьком опыте».

Тошинори пил, гримасничая, когда теплая жидкость горела в его животе. Старая травма заставила даже самую мягкую пищу нанести ущерб его пищеварительному

тракту. Половина его питания в эти дни поступала из шприца, а другая половина была смешанной, мягкой кашницей. Не в первый раз он думал о гамбургере, несмотря

на то, что после этого ему нужно было откачать желудок.

«Я ограничу свою деятельность как герой», — сказал Тошинори, заставляя себя иметь в виду эти слова.

— Хорошо. Пусть другие герои распоряжаются настоящим. Вы нужны здесь, чтобы обеспечить будущее».

Дверь захлопнулась. Иида стоял в дверях, тяжело дыша, дым валил из выпускных клапанов в его ногах. Он рухнул на стол, выдавливая слова между дрожащими

вдохами.

«Злодеи... в USJ, - простонал Иида.

Незу протянул ему чашку чая, прижав ее к губам подростка. «Вы отлично справились. Отдохни немного, и давай справимся».

Тошинори посмотрел на студента, изо всех сил пытаясь понять, что происходит. "Что...?"

Незу помчался к своему телефону и обошел всю школу. «Все преподаватели, докладывайте в вестибюль. Приоритет первый. Я повторяю, все преподаватели, в

вестибюле, приоритет один».

— Приоритет первый? — спросил Тошинори.

«Злодеи на территории школы. Оставайтесь здесь и отдыхайте. Мы с этим справимся».

У «Одного за всех» была своя воля. Тошинори потребовались годы, чтобы привыкнуть к его зову, и ему пришлось пробираться через свою причуду после потери

Наны. Время от времени он подталкивал его в нужном направлении, направлял к кому-то, кого ему нужно было спасти, или предупреждал его о злодее, пытающемся

подкрасться к нему. Прямо сейчас он кричал, чтобы он стоял, сражался, защищал студентов.

— Я пойду.

Глаза Незу сузились. Он многозначительно посмотрел на Ииду и сказал: «Не будь глупцом. Я рассчитываю на то, что вы будете охранять остальную часть объекта, пока мы разбираемся с этой угрозой».

— Он говорит мне об этом, — сказал Тошинори, понизив голос. «Я должен сделать это».

Незу смотрел в пространство, двигая глазами взад и вперед, пока он выполнял расчеты. Он встряхнулся и сказал: «Нет времени. Просто идите, если нужно, но, пожалуйста, помните о том, о чем мы говорили».

— Я сделаю.

Другие учителя ждали перед школьным автобусом, одетые в костюмы героев и гражданскую одежду. Присутствующий Мик посигналил и сказал: «Вперед, слоупоки!

Мы должны двигаться!»

Тошинори упал на свое место, когда автобус выехал со школьной стоянки. Незу, наполовину раздавленный под ним, извивался и поправлял шерсть.

— Ты сказал, что он велел тебе идти? — спросил Незу. — Я не помню, чтобы ты говорил, что твоя Причуда может говорить с тобой.

— Не совсем, — ответил Тошинори. «Это больше похоже на интуицию».

«Я мог бы безвкусно пошутить о твоих интуитивных чувствах, но сейчас не время. Пожалуйста, позвольте другим справиться с этим как можно больше. Вмешивайтесь

только в том случае, если жизнь студентов находится под угрозой».

— А как же...

— Господин Айдзава был бы оскорблен, если бы вы подумали, что он не может справиться с собой. Незу нахмурился. «Тем не менее, тот факт, что он отправил

студента одного, беспокоит меня. Не говоря уже о том, что будильник так и не сработал. Мы должны быть готовы к худшему».

Нутро Тошинори скривилось от мрачных слов Незу. Присутствующий Мик, подслушав разговор, нажал на педаль газа, пролетев мимо машин на другой полосе. Он

проехал на красный свет под хор гудков и оставил дымящиеся черные полосы на тротуаре, когда въехал на стоянку USJ. Он направил автобус на обочину и

припарковался в футе от передних дверей.

Когда Тошинори превратился в своего героя и распахнул двери, он почувствовал, как его голова пульсирует. Сам воздух сопротивлялся каждому его движению,

отягощая плечи, и его зрение мерцало. Душераздирающее ощущение пришло однажды, после того, как злодей с причудой мутации слизи повел его в погоню за

дикими гусями по городу только для того, чтобы взять в заложники маленького мальчика. Этот новый симптом его угасающей силы напугал его, заставив с тех пор

удерживать использование Причуды в течение нескольких месяцев.

Прежде чем он успел подумать о том, чтобы пойти с остальными героями, он увидел одну из своих учениц, Мидорию, в лапах ухмыляющегося маньяка, покрытого

руками. Кровь полетела. Всемогущий помчался вперед, ускорился до такой степени, что мог видеть каждую каплю крови, лениво плывущую по воздуху, как семена

одуванчика. Подойдя ближе, он увидел, что череп Изуку отслаивается, как горящая бумага, отслаиваясь белыми пылинками.

Одним движением пальца сотрясающий взрыв воздуха отбросил злодея на двадцать футов назад. Тошинори поймал своего ученика до того, как тот упал на землю,

сорвал с него галстук и вдавил его в рану, мгновенно окрасив ткань в черный цвет от всей крови.

— Всемогущий, — прошептала Мидория.

«Да, я здесь. Все будет хорошо».

Злодей, которого он сдул, прислонился к Курогири. Кипя от ярости, Сигараки закричал: «После того, как пушечное мясо вытащило мой танк, теперь ты

появляешься?»

— Нам нужно идти, — сказал Курогири. «Мы не можем сражаться со Всемогущим без Ному».

Шигараки почесал шею, оставив четыре длинные кровавые борозды. «Я знаю, это так расстраивает. Я не должен был проигрывать».

— А как насчет остальных?

«Они превосходили численностью этих детей и все равно проиграли. Оставь их».

«Понял. Пора уходить».

Прежде чем Всемогущий успел что-либо сделать, черный туман окутал двух злодеев. Они растворились в воздухе.

Мидория бормотал, становясь все менее связным, когда его кровяное давление падало. — Тебя здесь не должно было быть.

Прежде чем Всемогущий успел спросить, что он имел в виду, его веки дрогнули. Он обмяк на руках. На мгновение Всемогущий испугался худшего, но ух, прижатое к

груди, уловило слабое биение его сердца.

— У кого-нибудь есть марля? — закричал Всемогущий. «Нам нужно остановить кровотечение, поторопись!»

Через несколько секунд Яоорозу подбежала к нему и вытащила из живота рулон марли. «Вот! Этого достаточно? У нее тряслись руки. Тошинори осторожно взял

рулон и посмотрел ей в глаза. Он должен был улыбнуться, должен был заверить ее, что все будет хорошо. «Спасибо. Это именно то, что ему нужно».

К его тревоге, слова включили гидротехнические сооружения. Неужели она думала, что он лжет? Прервав свои домыслы, он снова обратил свое внимание на

истекающего кровью студента перед ним. Он просунул пучок в отверстие в голове, позволив ему впитать кровь, а остальное обернул вокруг головы, удерживая

пластырь на месте.

«Выздоровливающая, поторопись!»

«Я иду, я иду!» — закричал Сюдзэнджи. «Я старею, знаешь ли, не теряй его, пока я туда не доберусь».

Цементосс подошел к нему с Девушкой-Выздоровливающей на спине. Всемогущий прижимал Мидорию к себе, затаив дыхание, молясь, чтобы они не опоздали. Она

сморщила губы и поцеловала его в щеку. Через несколько секунд она открыла глаза, нахмурилась, глядя на истекающего кровью студента, и отстранилась.

«Не говори мне...»

«У него все еще есть пульс, — сказала Recovery Girl, — но у него не осталось энергии. Если бы я попытался использовать свою причуду, его сердце остановилось

бы».

Сердце Тошинори упало. «Что нам делать?»

«Ему нужна кровь, быстро. Кто-нибудь здесь O-отрицательный?»

— Да, — сказал Кирисима сквозь стиснутые зубы, взмахнув несломанной рукой.

Девушка-выздоровливающая постучала по Яоорозу тростью и спросила: «Думаешь, ты сможешь сделать иглы для подкожных инъекций и пластиковые трубки?»

Яоорозу, поблагодарив своих инструкторов за то, что они научили ее делать предметы первой необходимости, сделала необходимые предметы. Сюдзэндзи осмотрел

иглы опытным глазом и кивнул.

«Отлично. Увидимся как-нибудь, я хотел бы посмотреть, что еще вы можете сделать. Это может спасти много жизней».

Когда Девушка-Выздоровливающая воткнула иглу в руку Кирисимы, она заметила сломанные кости. — О, милая, ты должна была что-то сказать.

Кирисима ухмыльнулся сквозь боль. «Мидория-кун нуждается в этом больше. С моей стороны было бы немужественно позволить ему истекать кровью».

Сюдзэндзи вздохнула и покачала головой. «Не позволяйте своей мужественности убить вас. Это не совсем стерильная установка, но кровяное давление господина

Изуку настолько низкое, что вы не должны получать его кровь в себя. В любом случае, вы оба чисты, так что вы можете быть спокойны в отношении переноса

патогенов, передающихся через кровь».

«Полезно знать». Кирисима сжал руки, пытаясь закачать больше крови в Мидорию. Некоторое количество цвета вернулось к его коже по мере того, как переливание

прогрессировало.

«Цементосс, отведи их к входной двери. Парамедики должны быть здесь в любую минуту. Не позволяйте этой капельнице выпасть, это единственное, что удерживает

его в живых». Она обратила внимание на остальных студентов, которые задержались на краю площади. «Остальные из вас, идите сюда. Пусть сначала уйдут раненые,

но я вас всех проверю».

Когда Девушка-Выздоровливающая нахмурилась, глядя на почерневшие пальцы Тодороки, Всемогущий побежал впереди Цементосса. Рябь бетона вынесла двух

мальчиков впереди Цементосса, осторожно усадив их перед дверью. В тот момент, когда Всемогущий услышал, как за ним захлопнулась дверь, он сжался обратно в

свою скелетную форму.

— Всемогущий? — спросил Кирисима, широко раскрыв глаза. — Что, с тобой все в порядке?

Желудок Тошинори вздрогнул, когда он столкнулся с шокированным студентом. К счастью, Мидория все еще светилась, как свет.

«Все в порядке. Мы поговорим об этом позже, а пока, пожалуйста, помолчите, хорошо?»

Кирисима кивнул, все еще глядя на свою сморщенную фигуру. Чувствуя себя таким беспомощным под вопросительным взглядом студента, Тошинори поспешил в

автобус и сгорбился на одном из сидений.

Лапы лежали на полу автобуса. Незу хмыкнул, подтягиваясь к каждой из массивных ступенек автобуса. «С тобой все в порядке? Ты уехал в спешке.

«Я снова почувствовал это», — сказал Тошинори. «Зашел слишком далеко».

— Я дам знать господину Сюдзэндзи. Он подпрыгнул, зацепившись лапами за сиденье, и вскарабкался, чтобы сесть рядом со Всемогущим. — Кирисима-кун видел, не

так ли?

«Он это сделал», — признался Тошинори.

— Я позабочусь о том, чтобы он молчал. Через мгновение Незу сказал: «Пиар по этому поводу

будет кошмаром. Думаешь, завтра у тебя пресс-конференция?

Тошинори застонал. «Разве мы не можем думать об этом прямо сейчас? Один из моих учеников...»

Незу похлопал Всемогущего по локтю. — Знаю. Никогда не бывает легко, потерять ученика. Это случается время от времени на стажировках и учебе».

«Они просто студенты!» — закричал Всемогущий. «Я должен защищать их, следить за тем, чтобы они выросли героями, и в течение нескольких недель после приезда

сюда злодеи пытались их убить. Я не знаю, создан ли я для этого».

«Тошинори, ты вряд ли виноват в этом. Во всяком случае, это моя вина, я должен был обновить систему безопасности после того, как эти репортеры вошли на

прошлой неделе».

«Дело не только в этом. Я не знаю, что я делаю, учу их. Пытаюсь, но даже не знаю с чего начать. Те книги, которые я получил, не помогают, и я продолжаю

сомневаться во всем, что делаю, и...

«Быть учителем нелегко», — сказал Незу. «Вы вряд ли можете ожидать, что освоите его через неделю».

Тошинори сжал руки, торжественно глядя на свои хрупкие пальцы. «Я знаю, но их жизни рассчитывают на меня. До сих пор меня это не поражало, но если я не

научу их достаточно хорошо, они там умрут. Один умирает, пока мы говорим, и я...»

— Иди с фельдшерами, — сказал Незу. «Оставайся с Мидория-кун в больнице и пиши мне новости. Мы разберемся со всем здесь».

Парамедики подъехали к автобусу. Два врача скорой помощи воткнули капельницу в руку Мидории и погрузили его на носилки, в то время как другой проверял руку

Кирисимы. Рыжий смотрел на него, пока он шел. Он шел рядом с носилками, ожидая, когда один из врачей скорой помощи обратится к нему.

«Яги Тошинори, преподаватель UA», — сказал он, показывая им свое удостоверение личности. «Меня попросили сопровождать господина Мидорию в больницу».

— У тебя есть исцеляющая причуда?

— Боюсь, что нет.

«Садитесь на пассажирское сиденье. Сзади нет места».

Прежде чем он успел спросить, успеет ли Мидория, скорая помощь захлопнула за ним двери. Тошинори побежал на пассажирскую сторону. Машина взлетела с

ревущими сиренами еще до того, как он закрыл дверь.

Оказавшись в Musutafu General, Изуку был доставлен в аварийное крыло. Тошинори показали место за пределами операционной, когда врачи ворвались внутрь,

принося мешки с кровью. Минуты тянулись незаметно. С тяжелым сердцем и тошнотой в желудке Всемогущий молился, чтобы у него хватило сил спасти одного из

своих учеников.

Быстрые рефлексы спасли Шоту от купания в зоне кораблекрушения. Своей доброй рукой он выбросил свой шарф, зацепившись за конец огромной водной горки

зоны. Он качнулся в безопасное место, скользя по поверхности воды и поймав себя на полпути вверх по горке. Его сломанная, истлевшая рука пульсировала от боли.

У Шоты было несколько секунд, чтобы отдышаться, прежде чем вся горка рухнула под ним. Огромные водянистые когти разбили деревянные опоры в щепки. Водная

горка содрогнулась, пластиковые сегменты прогнулись, когда она рухнула под собственным весом. Шота перепрыгивал с кусочка на кусок. Каждый прыжок оставлял

его руку в агонии, когда осколки костей перемалывались вместе. Последним прыжком Шота приземлился на скалистый берег. Он закричал, когда его раненая рука

ударилась о камень.

Когда еще одна пара водянистых когтей потянулась к нему, глаза Шоты метнулись к рыбоподобному злодею, который поднял правую руку в хваткой пантомиме.

Коготь развалился, когда Шота стер их причуду. Трое злодеев выпрыгнули из воды, пытаясь поторопить его. Взмах его шарфа обернул всех троих. Он швырнул их на

землю и отправил каждого упавшего злодея ударом ногой по голове.

Увидев своих бессознательных союзников на суше, оставшиеся водянистые злодеи остались в воде. Кто-то стрелял струями высокого давления, кто-то метал ножи, а

кто-то продолжал рубить его жидкими когтями. Шота ловко уклонялся от каждой атаки, но кровь, капающая с его разложившейся руки, делала его все слабее. Его

зрение затуманилось, голова поплыла, а глаза горели от того, что они так долго открывались. Злодеи шаг за шагом заставили его отступить, пока он не оказался

спиной к дальней стене.

Шота проклял себя, столкнувшись с натиском второстепенных злодеев. Он подвел своих учеников. Он не смог остановить главного злодея, не смог стереть варппричуду, не смог удержать своих учеников от опасности. Даже сейчас, когда он тратил драгоценное время, пытаясь не попасть под удар, не в силах проскользнуть

мимо или атаковать злодеев в воде, его ученики остались наедине со злодеем, чья ловкость была наравне с его собственной, и чья причуда могла превратить

ученика в пыль одним прикосновением.

Зная это, Шота подстрекал себя, спрашивал себя, сколько его учеников похоронят в урнах, скольким родителям ему придется извиниться, скольким жаждущим

сплетен репортерам ему придется пресмыкаться, потому что он не может дать промах некоторым двукратным злодеям. Тем не менее, несмотря на все самоупреки,

при всей своей тревоге за своих учеников, он шаг за шагом отступал, бессильный спасти своих учеников.

Пока он отвлекался, нож, приводимый в движение струей воды, пронзил его плечо, нанеся длинную болезненную рану. Айзава откатился в сторону и обвел взглядом

все озеро. Еще один нож пронзил воздух, вонзившись ему в голень. Дрожа от изнеможения, с пылающими легкими и тяжелыми веками, Шота задавался вопросом,

проживет ли он достаточно долго, чтобы снова увидеть своих учеников.

Один из клонов Эктоплазмы бросился в зону кораблекрушения. Заметив Шоту у стены, Эктоплазма закричал в рацию и бросился на злодеев. Достаточное количество

из них было отвлечено сочной мишенью, размахивающей в воде, чтобы Шота сделал круг по направлению к упавшей водной горке. Он укрылся под одним из упавших

кусков. Наконец в безопасности, Шота рухнул на спину. Он посмотрел на капающий зеленый пластик и втянул влажные глотки воздуха, пока у него не заболела

грудь.

Голос Ластика Микрофона упал, как молот. Сотрясающая ударная волна потрясла пластик, заставив его скользить на полфута. Через несколько мгновений вода

внезапно обрушилась, барабаня по укрытию Шоты.

— Эй, Шота! — позвал Ямада, его голос усилился из-за его причуды. — Ты все еще жив?

Застонав, Шота поднялся на ноги и, прихрамывая, выбрался из укрытия. Полночь собирала спящих злодеев во влажной впадине, которая когда-то была зоной

кораблекрушения. Ямада, который сканировал береговую линию с полдюжиной клонов эктоплазмы, заметил его первым.

— О, слава богу, — сказал Ямада, подставляя плечо под добрую руку Шоты. «Когда дети сказали, что тебя искривили со сломанной рукой, я боялся, что они

наконец-то поймают тебя».

Шота усмехнулся. «Чтобы убить меня, потребуется нечто большее».

Ямада с беспокойством взглянул на свою истлевшую руку, которая перестала кровоточить, во многом потому, что в Шоте не осталось много крови. «Ты справишься».

Мы здесь. Мы все здесь, Всемогущий и все остальные».

«Всемогущий сжег все свое время».

«Да, ну, скажи это синеволосому парню, в которого он нарядился на следующей неделе».

«Он сам себя подтолкнул? Как иррационально».

«Вероятно, это спасло жизнь Мидории».

У Шоты перехватило дыхание. «Мидория... Он жив?»

Ямада скорчил гримасу. «Это нехорошо. Сюдзэндзи-сан ничего не мог для него сделать. Они посадили его в машину скорой помощи, надеюсь, ребенок выживет».

— А остальные?

«Все в целостности и сохранности». На этот раз Ямада улыбнулся, хотя и выглядел натянутым. «Они сделали добро».

Студенты стояли в очереди перед Recovery Girl. Она проверяла их раны, иногда используя свою причуду, чтобы заставить газы исчезнуть, но в основном использовала

бинты, чтобы сохранить свою силу. Тодороки сидел в стороне, его правая рука была изрешечена белыми шрамами, а руки Ашидо были обмотаны бинтами,

пропитанными мазью.

Когда Девушка-Выздоровливающая увидела зияющую рану на руке Шоты, она помахала ему рукой. «Причуда распада, верно? Это грязно, но это не ударило по кости.

Я могу исцелить его».

— Мидория справится?

«Его рана была похожа на вашу, и часть кости была повреждена. К счастью, Всемогущий увел его до того, как Причуда достигла его мозга. Рана сама по себе не

опасна для жизни, но Мидория потерял много крови, и он был опасно истощен». Девушка-выздоровливающая бросила на него строгий взгляд и сказала голосом,

который не терпит возражений: «Как только это закончится, нам нужно поговорить о тренировочном полку этого мальчика».

Шота смущенно кивнул. Он вспомнил, как тренировал Мидорию после школы, исследуя свои воспоминания на предмет каких-либо признаков истощения. Его ученик

со стоическим равнодушием переносил упражнения и боевую подготовку, бегал и преодолевал препятствия без единой жалобы. Он обучал студентов достаточно

долго, чтобы знать, когда им нужен перерыв, и никогда не замечал знаков в Мидории. Было ли это частью неизвестной Причуды, или он был слеп к знакам? Неужели

он невольно надавил сильнее, чем следовало бы?

«Сведите заживление к минимуму», — сказал Шота. «Я подожду в больнице».

«Всемогущий уже там, и я не позволю тебе ходить со сломанной рукой».

— Пожалуйста. Он вложил все, что у него было, в одно слово. Он подвел Мидорию достаточно на один день, и он не собирался дремать на работе, когда один из его учеников умирал.

Сюдзэндзи вздохнула и покопалась в кармане. «Хорошо, но ты возненавидишь меня за это позже. Ешьте эти. Все».

Шота скорчила гримасу, глядя на мармеладных мишек с двенадцатью черными в протянутой руке. На вкус они были горькими, как кофейная гуща, смешанная с

лекарством от кашля. Энергия хлынула в него. Он почувствовал, как его сердце скачет в груди, когда сработали стимуляторы.

Девушка поцеловала его в левую руку. Шота зашипел, когда кость снова срослась, а мышцы сжались на зияющей ране. Как только она закончила, розовый участок

полузажившей кожи был всем, что осталось от прикосновения Шигараки. Порезы на его плече и голени были покрыты струпьями, злыми красными линиями, которые

чесались, когда он двигался.

«В тот момент, когда Мидория получает полное разрешение, вы направляетесь прямо назад. Понял?»

Шота кивнул, снова измученный исцелением, но все еще в сознании. Он отошел в сторону и упал на Ямаду, когда его ноги подкосились.

— Полегче, я тебя отвезу, — сказал Present Mic. — Я бы посоветовал тебе немного отдохнуть, но если господин Сюдзэндзи не сможет тебя убедить, я, черт возьми,

тоже не смогу.

— Спасибо.

— Для чего нужны друзья?

Они одолжили один из служебных автомобилей школы, ожидавших на стоянке. Когда Ямада ехал, он сказал: «Не беспокойся о Мидория-куне. Я уверен, что он

справится».

— Что заставляет тебя так говорить?

Ямада пожал плечами. «Это называется вера, попробуй как-нибудь».

Фыркнув, Шота сказал: «Нелогично».

«Может быть, так оно и есть. Это не меняет того факта, что он вернется в класс».

Ямада предложил отвезти его в больницу, но Шота оттолкнул его. Медсестра на ресепшене уставилась на него широко раскрытыми глазами, но когда он показал свой

бейдж США и попросил комнату Мидории, она указала ему на отделение интенсивной терапии.

Яги Тошинори сидел на скамейке возле закрытой операционной. Шота сел рядом с ним, практически рухнув на мягкое сиденье.

«Айзава-кун, я рад, что с тобой все в порядке. Я волновался, когда не видел тебя с другими студентами».

Шота злобно посмотрел на него. «Варп-причуда меня достала».

— Понятно.

— Нас впустят?

Яги покачал головой. «Врачи не хотели, чтобы я мешал».

Сотрудники больницы спешили мимо них, входя и выходя из комнат вокруг них с медицинскими принадлежностями. Минуты на часах над головой пролетели незаметно.

Веки Шоты отяжелели, пока он ждал, но он заставил себя не спать.

— Один из твоих учеников видел, как я изменился, — сказал Яги. «Тот, у кого рыжие волосы».

Шота глубоко вздохнул, пытаясь подавить свое внезапное презрение к герою номер один, но потерпел неудачу. «Вы потратили свое время. Ты не должен был

уходить».

Гнев вспыхнул в сморщенных глазах героя. «Если бы я не...»

«Я беру его обратно. Ты не должен был останавливать этих злодеев раньше.

Гнев исчез. Яги сгорбился и положил голову на руки. — Знаю. Я должен был быть там. Я просто чувствую себя таким бесполезным, когда у меня нет времени, и я

застрял, наблюдая, как другие герои сражаются со стороны. С моей прежней силой я мог остановить злодеев до того, как кто-то пострадает, не дать разрушить

здания, но сейчас? Ему было больно, потому что я слишком слаба. Я больше не знаю, что с собой делать».

Шота неловко похлопал Всемогущего по спине. «Ты не единственный герой. Пусть другие разбираются со злодеями. Сосредоточьтесь на обучении этих студентов,

чтобы они были готовы, когда вам нужно будет уйти в отставку».

Яги застонал. «Я ужасно преподаю».

«Вы думаете, что я был лучше, когда начинал? Преподавание - это такой же навык, как и любой другой. Со временем ты станешь лучше в этом».

Глядя на свои костлявые руки, Яги вздохнул и сказал: «Хотел бы я так учить, тогда я мог бы использовать свою форму героя для злодеев».

Голосом, пропитанным сарказмом, Шота сказал: «Если вам удобно позволить этому просочиться общественности, тогда вперед. Достаточно плохо, что у меня есть

один ученик, за которым нужно следить, если бы вся школа знала, пресса вынюхала бы это в течение недели».

Дверь открылась. К ним подошел врач, одетый в скрабы, с лицом, скрытым маской. Их взгляд задержался на Яги, глядя на сморщенного человека с видимым

недоверием. Шота почувствовал некоторое самодовольное удовлетворение, увидев недоверчивый взгляд, направленный на Всемогущего из всех людей, а не на него

для разнообразия.

— Вы из США?

Яги блеснул своим значком. Взгляд доктора задержался на нем еще на мгновение, без сомнения, задаваясь вопросом, какой он герой. — С Мидорией все будет в

порядке?

Даже когда маска закрывала половину его лица, Шота все еще мог видеть улыбку в уголках их щек. «Он еще не пришел в сознание, но его кровяное давление

стабилизировалось, а рана на голове перестала кровоточить. Ему нужно будет остаться на ночь, но мы ожидаем полного выздоровления».

— Мы можем его увидеть? — спросил Шота.

Доктор посмотрел на свою разорванную, окровавленную одежду. «Вам нужно будет держаться на расстоянии, он сейчас очень уязвим для инфекции, но да».

Мидория выглядел полумертвым, с респиратором, закрывающим лицо. Его непослушные зеленые локоны были сбриты, а марля была обернута вокруг всей головы.

Костюм героя исчез, его заменили синие скрабы, которые обнажили его руки со шрамами. Яги заметно напрягся, когда увидел эти бледные отметины.

Как бы Шота ни хотел остаться, сочетание приказов Сюдзэндзи и его растущего истощения заставило его признать тот факт, что он должен уйти. «Не могли бы вы

остаться?» — спросил он Яги. — Мне пора возвращаться.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

«Просто устал. Нужно возвращаться».

Когда Шота упал, потеряв сознание в тот момент, когда он бросился вперед, он чуть не забрал Яги с собой. Врачу пришлось поймать их обоих.